
И. С. Сеницина

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Сеницина Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Миграционный прирост стал сегодня основным фактором изменения численности населения стран континента, в том числе Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Во многих из них отрицательное сальдо миграции, наряду со снижением естественного прироста, вызвало уменьшение численности населения.

Однако комплексное изучение этого нового для стран ЦЮВЕ процесса крайне затруднено дефицитом или даже полным отсутствием сопоставимых данных о численности мигрантов. Это связано прежде всего с различиями используемых определений, а также с разнородностью источников сведений о международной миграции – пограничный контроль; регистры населения (например, данные, получаемые при вручении загранпаспортов или при регистрации для получения социальных пособий); переписи населения и др. Статистикой не учитываются временные (и тем более нелегальные) мигранты, не говоря уже о том, что многие из них не регистрируют ни своего выезда, ни своего прибытия в другую страну. Поэтому большинство данных о масштабах международной миграции, публикуемых национальными или международными организациями, следует рассматривать лишь как оценочные, а их сопоставления – как приблизительные.

Этапы развития миграции

Сегодня миграционные потоки из стран ЦЮВЕ направляются прежде всего на запад, в страны ЕС-15. В развитии этих процессов можно выделить четыре этапа: (1) с начала трансформации до середины 1990-х годов; (2) этап активной подготовки к вступлению в ЕС; (3) период после вступления в ЕС

до начала финансово-экономического кризиса; (4) период с 2008 г. по сегодняшний день.

На *первом* этапе большинство миграционных потоков из стран ЦЮВЕ имело разовый характер и было связано прежде всего с этнической репатриацией. Крупнейшим из этих потоков стало движение этнических немцев в недавно воссоединенную Германию. Из примерно 1,2 млн человек, мигрировавших из ЦЮВЕ в Западную Европу за три года после падения «железного занавеса», эта группа была самой многочисленной. Только в 1989 г. в эти страны переехали 721 тыс. этнических немцев, что составило 61% всех иммигрантов в ЕС в этом году. Немцы-мигранты делились на две категории – «Übersiedler», т.е. мигранты из ГДР, и «Aussiedler», мигранты из других стран ЦВЕ (главным образом из Польши и Румынии) и бывшего СССР. По оценкам, до 1994 г. совокупный средний ежегодный приток превышал 200 тыс. человек [2, с. 184].

Вторая по численности группа мигрантов начала 1990-х годов – беженцы из районов вооруженных конфликтов на Балканах, прежде всего из стран бывшей Югославии. Только за 1991–1993 гг. чистый приток из экс-Югославии в Германию составил около 600 тыс. человек [3, с. 19]. Среди других потоков мигрантов в регионе следует выделить массовый (по оценкам, около 0,5 млн человек) выезд населения в начале 1990-х годов из Румынии (более половины прибыли в Германию), выезд около 300 тыс. болгарских турок в Турцию в 1989 г., а также переселение этнических венгров в Венгрию (37 тыс. – в 1990 г.). Кроме того, произошел единовременный обмен населением между Чехией и Словакией (в основном в Чешскую Республику), сопровождавший раздел Чехословакии в 1992–1993 гг. [3, с. 9].

Трудовая миграция в этот период имела ограниченный и преимущественно нелегальный характер. С либерализацией выездов за рубеж в начальный период трансформации немало «туристов» – главным образом из Польши, Румынии и Албании – нанимались на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу на Западе. Для легализации миграции сезонных и подрядных рабочих было в срочном порядке заключено несколько межправительственных соглашений – например, о сезонных рабочих между Польшей и Германией в 1990 г. [1, с. 301].

На *втором* этапе масштабы постоянной трудовой миграции граждан стран ЦЮВЕ за пределы региона были сравнительно невелики (порядка 20–30 тыс. человек в год в таких странах, как Польша и Румыния) и даже несколько снижались. Это было связано с серьезными ограничениями на въезд со стороны основных стран иммиграции, прежде всего Германии, куда направлялись от половины до трех четвертей всех мигрантов [3, с. 9–10].

Данный процесс сохранял нелегальный¹ и маятниковый характер, когда работники неоднократно возвращались в страну выезда и выезжали вновь. Массовый характер получили сезонные миграции строительных и сельскохозяйственных рабочих: так, в 2003–2004 гг. в Германию прибывали до 300 тыс. польских рабочих [6, р. 17].

В странах Западных Балкан после окончания военных действий в Боснии и Хорватии началась новая волна миграции, связанная с массовой репатриацией беженцев из стран Северной и Западной Европы. Следствием новой войны в Косове в 1998–1999 гг. стали миграции оттуда большого числа этнических албанцев, в основном в Албанию и Македонию. К августу 1999 г. в Косово вернулись около 850 тыс. албанских беженцев, но около 100 тыс. этнических сербов вынуждены были бежать в Сербию [6, р. 27].

Третий этап характеризовался резким ростом масштабов эмиграции, изменением географии миграции и массовой ее легализацией. Последняя стала следствием вступления в Евросоюз стран ЕС-8 в 2004 г. и ЕС-2 (Румынии и Болгарии) – в 2007 г. За 2004–2008 гг. в страны ЕС-15 выехали около 1,5% населения стран ЕС-8, а за 2007–2009 гг. – примерно 4,1% населения ЕС-2. В результате за 2003–2009 гг. численность граждан стран ЕС-8+2, зарегистрированных как мигранты в странах ЕС-15, утроилась, увеличившись примерно с 1,6 до 4,8 млн человек [15, р. 5, 49]. Особенно быстро росла эмиграция граждан из Болгарии и Румынии в странах ЕС-15 за 2003–2006 гг., т.е. еще до вступления в ЕС. Их численность почти удвоилась. Это было связано с более высокими дифференциалами безработицы и заработной платы между ЕС-2 и ЕС-15 по сравнению с парой ЕС-8 и ЕС-15. Страны Западных Балкан (кроме Косова) также заключили соглашения с ЕС о безвизовом въезде, что способствовало нормализации миграционных процессов.

Вместе с тем для жителей стран ЦЮВЕ право на свободное передвижение в пределах ЕС отнюдь не было равнозначно праву на беспрепятственное легальное трудоустройство в «старых» странах – членах Союза. Опасаясь осложнений на рынках труда отдельных стран в результате ожидавшихся массовых миграций, страны ЕС-15 предусмотрели возможность введения поэтапных мер по защите своих рынков общим сроком до семи лет с момента вступления новых членов. В результате для мигрантов из стран ЕС-8 в 2004 г. свои рынки труда полностью открыли только Ирландия, Швеция и Великобритания, в 2006 г. – Италия, Испания, Португалия, Греция и Финляндия, в 2007 г. – Голландия и Люксембург, в 2008 г. – Франция, в 2009 г. – Дания и Бельгия. Германия и Австрия сохраняли мораторий на трудовую миграцию вплоть до мая 2011 г. Для стран второй волны доступ на рынки труда ЕС-15

1. В Литве, например, по опросам, доля нелегальных мигрантов в 1990–2000 гг. составляла около 60%, а накануне вступления в ЕС выросла до 90% [6, р. 17].

с 2007 г. открыли лишь Финляндия и Швеция, с 2009 г. – Испания, Греция, Португалия и Дания. Остальные страны сохраняли ограничения вплоть до максимально возможного срока – 1 января 2014 г.

Для стран ЕС-8 эти ограничения привели к заметной переориентации миграционных потоков, в первую очередь с Германии на Великобританию и Ирландию. Впрочем, такая переориентация началась еще до 2004 г., что свидетельствовало о привлекательности этих стран для мигрантов из ЦВЕ в плане спроса на рабочую силу и низких языковых барьеров. Сформировались, таким образом, два основных коридора миграций: 1) из Польши и стран Балтии в Британию и Ирландию; 2) из Румынии и Болгарии в Испанию и Италию.

Четвертый этап был связан с началом глобального финансово-экономического кризиса, который привел к заметному снижению международной мобильности рабочей силы, в первую очередь за счет Румынии и Польши: эмиграция из этих стран за 2007–2009 гг. сократилась примерно в 2 и в 1,5 раза соответственно. Причиной стал прежде всего резкий рост безработицы среди мигрантов из ЦЮВЕ в принимающих странах, поскольку последние были заняты преимущественно в тех секторах экономики ЕС-15, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса (строительство, сфера обслуживания). Исключение составили страны Балтии, где из-за чрезвычайно тяжелой экономической ситуации эмиграция, по неофициальным данным, выросла к 2011 г. более чем втрое по сравнению с 2008 г. и лишь затем стабилизировалась, но на весьма высоком уровне (около 60 тыс. человек в год, что примерно вдвое выше, чем в 2004 г.). Стала нарастать возвратная миграция, хотя ее характер и масштабы сильно различались от страны к стране.

Таким образом, за первое десятилетие XXI в. численность мигрантов из Восточной Европы в страны ЕС-15 возросла в 5 раз (с чуть более 1 млн в 2001 г. до примерно 5,3 млн человек в 2011 г.), составив около 19% от общего числа нерезидентов в странах Западной Европы [10, р. 12]. Следует, однако, учитывать, что мобильность рабочей силы внутри Евросоюза относительно невелика: она примерно в 4 раза ниже уровня миграций между германскими землями и в 6 раз ниже, чем между штатами США [25, р. 6]. По прогнозам немецких исследователей, к 2020 г. общая численность мигрантов из стран ЕС-8, проживающих в ЕС-15, может составить 4,4 млн человек (5,2% населения ЕС-8), а из стран ЕС-2 – 4,0 млн человек (13,4% населения ЕС-2) [8, р. IAB-24]. Иными словами, темпы роста потоков мигрантов замедлятся, но их общее число к концу текущего десятилетия может увеличиться почти вдвое.

Основные характеристики миграций из стран ЦЮВЕ

Факторы миграций

При принятии решения об эмиграции обычно прежде всего соотносят потенциальные выгоды (выигрыш в заработке, шансы получить работу, возможности для карьерного роста, условия труда, социальные пособия и пр.) с вероятными социальными и иными ее издержками. Вместе с тем мотивация к эмиграции значительно различается не только между «старыми» и новыми членами ЕС, но и внутри самой группы ЕС-10.

Так, по данным «Евробарометра» от 2010 г., на первое место среди факторов, способствующих миграции, респонденты из всех стран поставили повышение уровня жизни при выезде за границу: при среднем по ЕС-10 показателе в 37% его величина варьировала от 27% в Словении до 47% – в Венгрии. Вторым по значению фактором было названо улучшение условий труда: от 24% в Венгрии и Латвии до 39% – в Словакии при среднем по ЕС-10 в 31%. На третьем месте оказался фактор безработицы: лучшие шансы получить работу назвали в качестве фактора миграции 23% всех респондентов из стран ЦВЕ (от 19% в Польше до 35% – в Литве). Четвертым по значению (17%) был назван фактор лучшей системы здравоохранения и соцобеспечения [17]. В условиях экономического кризиса возникли и новые причины миграций микроэкономического или даже психологического порядка – например, неспособность погасить задолженность по кредитам (даже при наличии работы) [33].

При принятии решения о выезде не меньшее значение имеют и факторы, сдерживающие потенциальную миграцию. По данным «Евробарометра», более половины жителей стран ЦВЕ первым по значению препятствием практического характера назвали недостаточное знание иностранных языков, проблемы с трудоустройством, с жильем и сложность адаптации в иной культурной среде.

Направления миграций

Комбинации отдельных факторов миграции, а также различия в экономической ситуации в государствах въезда и выезда формируют сложную и постоянно меняющуюся картину направлений миграции стран региона. Свыше двух третей всех мигрантов из стран ЕС-10 в страны ЕС-15 приходится на Польшу и Румынию. На переселенцев из Румынии приходится около 5% общей численности всего «мигрантского» населения ЕС-15, а на мигрантов из Польши – около 4%. Примерно 75% мигрантов из ЕС-10 сосредоточено в четырех странах ЕС-15 – Германии, Великобритании, Италии, Испании

[7, р. 3–4]. Наибольшую нагрузку мигрантов из ЦЮВЕ испытывают Австрия и Ирландия, тогда как в четырех вышеупомянутых крупнейших странах ЕС-15 такая нагрузка примерно вдвое ниже.

Из стран ЦВЕ основные потоки мигрантов в основном направляются в соседние страны Центральной Европы, из стран ЕС-2 – в страны Южной Европы. Свыше 3/4 румынских «евромигрантов» проживают в Испании или в Италии, более 2/3 польских мигрантов – в Германии или в Великобритании [7, р. 4]. Специфические направления преобладающей миграции характерны для стран Балтии: для Эстонии – это Финляндия, для Латвии и Литвы – Ирландия. Миграция из Албании сосредоточена на Италии и Греции, причем для последней характерна краткосрочная и сезонная миграция. Направления миграции из других стран Западных Балкан в меньшей степени зависят от фактора соседства и в значительно большей – от связей с мигрантами, выехавшими из бывшей Югославии еще в 1990-х годах. Это в особенности относится к миграциям в Германию, Австрию и Швейцарию [6, р. 28].

Кризис внес серьезные коррективы в потоки и направления миграции: заметно повысился удельный вес таких принимающих стран, как Германия, Австрия, Бельгия, Норвегия и Швеция, тогда как доли сильно пострадавших от кризиса Ирландии, Италии и Испании заметно сократились [31, р. 35–36].

В последние годы Польша и в меньшей степени Чехия стали странами, принимающими трудовых мигрантов – в основном из стран бывшего СССР и преимущественно на сезонные работы. В Польше с 2010 г. действует упрощенный (на основе уведомления от работодателя, без получения разрешения на работу) порядок найма граждан Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, России и Украины на период до шести месяцев в каждом календарном году. В 2012–2013 гг. было зарегистрировано примерно по 240 тыс. таких уведомлений, в 2014 г. их число выросло до 387 тыс. Свыше 90% временных рабочих, оформленных подобным образом, – это мигранты из Украины, около половины из них заняты в сельском хозяйстве [28, р. 286].

Состав мигрантов

Среди «евромигрантов» из стран ЕС-10 преобладают более мобильные лица в трудоспособном возрасте, большинство из которых – молодежь до 34 лет. Если ранее мигранты, как правило, приезжали в одиночку, а затем часть из них перевозила свои семьи, то «евромигранты» все чаще выезжают за рубеж целыми семьями. Опросы в Великобритании показывают, что среднее число детей в семьях мигрантов из ЕС-10 выше, чем в семьях британцев или приезжих из других стран Европы. Для мигрантов из стран ЦВЕ также более характерно проживание в домохозяйствах, объединяющих две или несколько семей.

Уровень занятости среди мигрантов из стран ЦВЕ до кризиса практически повсеместно был заметно выше, чем среди граждан стран-реципиентов, и тем более среди мигрантов из стран за пределами ЕС. Исключение составляли лишь мигранты в Германии. В ходе кризиса ситуация заметно изменилась: более высокий уровень занятости «евромигрантов» (по сравнению с местными работниками) сохранился к 2012 г. лишь в Италии, Великобритании и Ирландии. Вместе с тем в большинстве стран (в том числе в Германии и Нидерландах) безработица среди мигрантов из ЕС-8 по-прежнему ниже, чем среди мигрантов из других стран, в том числе из ЕС-2.

Показатели самозанятости характеризуются низким уровнем в Великобритании среди иммигрантов из ЕС-8 и высоким (около 50%) – среди выходцев из стран ЕС-2. Самозанятость была высокой (40%) и среди иммигрировавших в Германию из ЕС-8 еще до отмены ограничений на трудовую миграцию, поскольку ограничения на въезд в случае открытия собственного бизнеса были здесь намного мягче.

Иммигранты из стран ЕС-10 в основном представлены в секторах, где требуется средне- (около 55%) или низкоквалифицированный (30%) персонал, и лишь 15% заняты на местах, требующих высокой квалификации. Для высококвалифицированных работников наиболее привлекательны Дания, Швеция и Ирландия, для низкоквалифицированных – Греция, Португалия, Испания и Бельгия [14]. Основные сектора занятости «евромигрантов» – обрабатывающая промышленность (16%), строительство (15), помощь по дому (10) и общественное питание с гостиничным сервисом (10%). При этом для мигрантов из стран ЕС-8 первое место по числу занятых занимает промышленность, а из ЕС-2 – строительство [32, p. 29].

Для «евромигрантов» в целом характерен довольно высокий уровень образования – как минимум, не ниже, чем у работников страны пребывания. До кризиса почти 28% иммигрантов из ЕС-8 имели высшее образование, большинство – среднее, однако иммигранты из Румынии и Болгарии в среднем менее образованны, чем из ЕС-8. Во время кризиса ситуация стала иной: к 2013 г. доля мигрантов из ЕС-10, имеющих высшее образование, выросла по сравнению с 2007–2008 гг. до 41% – отчасти в связи с резким падением спроса на рабочую силу средней квалификации (прежде всего в строительстве), отчасти из-за роста общего образовательного уровня мигрантов [32, p. 29].

Сопоставление уровня образования «евромигрантов» и выполняемой ими работы свидетельствует о широком распространении деквалификации (downskilling), когда мигранты не в состоянии найти в западноевропейских странах работу в соответствии со своей квалификацией и вынуждены (хотя бы временно) заниматься неквалифицированным трудом. К 2012 г. в таком положении оказались около половины мигрантов из стран ЦВЕ, имевших

высшее образование, причем среди мигрантов доля таких работников вдвое выше, чем среди граждан принимающих стран [5]. Это в особенности относится к мигрантам из Польши, 82% которых имеют среднее или высшее образование. В Великобритании декартификация наиболее высока именно среди мигрантов с высшим образованием из стран ЕС-12, среди которых более половины заняты неквалифицированным трудом. Аналогичные цифры для мигрантов из других стран ЕС и из третьих стран составляют, соответственно, 10 и 22% [22, p. 12].

Хотя большая часть мигрантов при въезде заявляют, что их миграция носит временный характер, на деле ее продолжительность может измеряться десятилетиями. В 2013 г. более десяти лет в странах ЕС-15 проживали свыше трети мигрантов из Болгарии, Румынии и Чехии, и почти 90% мигрантов из Хорватии, несмотря на то что последняя вступила в ЕС только в 2013 г.

Воздействие кризиса: Возвратная миграция

Экономический кризис в ряде стран привел к замедлению миграционных процессов. Многие мигранты были вынуждены вернуться на родину – в силу как экономических причин (потеря работы), так и возрастающего социального давления (подогреваемого экономическими трудностями в странах иммиграции). Однако масштабы возвратной миграции тормозились ухудшением экономической ситуации в странах-донорах, по многим из которых кризис ударил даже сильнее, чем по странам Западной Европы. Поэтому в условиях, когда ситуация «дома» была еще хуже, чем за границей, решение о возвращении нередко приходилось откладывать на неопределенное время. Нередко возвращение становилось лишь временным «трамплином» для последующей миграции в страны с более благоприятной экономической конъюнктурой – например в Норвегию (особенно для мигрантов из стран Балтии) [34].

По данным социологических обследований, проведенных Институтом исследований рынков труда в Бонне, возвращение восточноевропейских мигрантов в страны проживания на начальном этапе кризиса не было массовым. За 2008–2010 гг. доля вернувшихся мигрантов среди населения в возрасте 24–65 лет выросла в Болгарии, Венгрии и в Польше и сократилась в Чехии, Эстонии, Словении и Словакии. В 2010 г. эта доля варьировала от 3% в Словении до 10% – в Польше и Эстонии. При этом доля «возвращенцев», которые собирались вновь выехать на работу в страны Западной Европы, была максимальной в Литве и Латвии, наиболее пострадавших от кризиса (20 и 25% соответственно), и минимальной в Болгарии и Румынии (9 и 5%) [34].

В большинстве стран ЦВЕ состав «возвращенцев» отличался повышенной долей высококвалифицированных работников, что, вероятно, стало

следствием неудовлетворенности последних вынужденной деквалификацией в эмиграции. С точки зрения последствий для рынка труда стран ЦВЕ – это позитивный процесс, который переводит проблему «утечки мозгов» в плоскость их циркуляции между странами – членами ЕС. Напротив, для «возвращенцев» в Болгарии и Румынии был характерен повышенный удельный вес лиц с низким уровнем образования.

Казалось бы, дополнительная квалификация, полученная при работе в Западной Европе, должна облегчить трудоустройство возвращающихся мигрантов на домашних рынках труда. Однако польские исследователи отмечают, что, как ни парадоксально, опыт работы за рубежом негативно сказывается на перспективах повторного трудоустройства. Особенно высок (в 3–5 раз выше, чем для «местных» работников) риск безработицы для возвращающихся мигрантов в возрасте 18–35 лет и для тех, кто выезжал за рубеж на непродолжительный срок (от 3 до 12 мес.) [21]. Это может быть связано как с особенностями модели польской эмиграции (высокой долей лиц, выезжавших на работу за рубеж сразу после завершения образования и не имевших опыта работы), так и с деквалификацией при работе в Западной Европе, а также с завышенными ожиданиями «возвращенцев» с точки зрения оплаты труда [22, р. 17–18].

Экономические последствия миграции для стран ЦЮВЕ

Пожалуй, наиболее серьезные проблемы, порожденные эмиграцией в странах ЦЮВЕ, связаны с *оттоком рабочей силы* и его влиянием на демографическую ситуацию. В ходе трансформации большинство из этих стран испытало депопуляцию, что осложнило их и без того неблагоприятный демографический баланс. Однако эти процессы в отдельных странах были в разной степени связаны с эмиграцией. В наиболее сложном положении оказались Литва, Латвия, Болгария и Румыния, где население к 2014 г. сократилось по сравнению с 2000 г., соответственно, на 16,2%, 16,0, 11,5 и 11,2%. Однако если в странах Балтии убыль населения была главным образом связана с эмиграцией (на 3/4 в Литве и на 63% – в Латвии), то в Болгарии свыше двух третей (68,9%) сокращения населения объяснялось превышением смертности над рождаемостью [28, р. 240, 272, 274].

О степени интенсивности миграции рабочей силы из стран ЕС-10 можно судить по данным о доле граждан в трудоспособном возрасте (15–64), проживающих в другой стране ЕС: наибольшей долей оттока экономически активного населения в страны ЕС-15 выделяются Румыния (свыше 14%), Хорватия и Литва (более 10%), а также Латвия и Болгария (7–9%). Минимальные такие показатели в Чехии, Венгрии и Словении. Для двух последних стран

эксперты объясняют это широким распространением маятниковых миграций – между Словенией и Италией, между Венгрией и Австрией [15, p. 22].

Теоретически отток рабочей силы из стран ЦВЕ мог бы привести к снижению давления на рынок труда и падению *уровня безработицы*. Остается, однако, открытым вопрос, в какой степени снижение безработицы может произойти под влиянием миграций и в какой – благодаря таким факторам, как реструктуризация экономики, приватизация, приток ПИИ, сопровождавшийся созданием новых рабочих мест, реформы системы образования и т.п.

Исследования европейских ученых показали, что воздействие эмиграции из ЕС-10 на снижение уровней безработицы было краткосрочным и в целом невелико. Так, анализ Национального банка Польши показал, что такое влияние в 2004–2005 гг. составило всего 0,4 п.п. по сравнению с гипотетической ситуацией нулевой миграции [9]. Аналогичные результаты были в расширенном Евросоюзе (ЕС-10), за исключением Словении, а в долгосрочном плане такого влияния вовсе не прослеживалось. Более заметным (почти вдвое выше) оказалось краткосрочное влияние миграций на безработицу среди низкоквалифицированных работников [12]. Вместе с тем исследования показывают, что значение миграций для снижения напряженности в отдельных периферийных регионах со слабо развитыми рынками труда может быть более ощутимым [20, s. 65].

Практически во всех странах ЦВЕ миграция в той или иной степени породила проблему *оттока высококвалифицированных кадров* или «утечки мозгов» – ученых, инженеров, ИТ-специалистов, врачей и т.п. Во многих странах состав мигрантов отличался от остального населения повышенной долей квалифицированных специалистов, причем их максимальный удельный вес наблюдался среди мигрантов из Чехии, Венгрии, Польши и Словакии [6, p. 22]. Миграция квалифицированных работников за рубеж стала одной из причин роста числа свободных рабочих мест и даже *дефицита рабочей силы* в отдельных отраслях, требующих подготовленных кадров. Так, в Польше в 2005–2007 гг. дефицит квалифицированных кадров, особенно среднего технического звена, наблюдался на 30% предприятий в строительстве, розничной торговле и сфере обслуживания [19]. Даже в Венгрии, где эмиграция была относительно невелика, отмечался дефицит кадров в западной части страны, граничащей с Австрией [6, p. 42].

Вопреки ожиданиям (например, в странах Балтии), эмиграция в кризисный период практически не снизила давления на системы социального обеспечения. Так, в Литве начиная с 2007 г. число получателей социальных пособий и объем выплат неизменно нарастали. Причиной этого стала, в частности, массовая регистрация мигрантов-«возвращенцев» для получения пособий с последующим повторным выездом за рубеж [33, p. 58].

В условиях распространения возвратной миграции квалифицированных специалистов формируется модель «циркуляции умов», характеризующаяся двусторонними трансфертами человеческого капитала и знаний [23, p. 23]. Такая модель складывается, например, в Чехии и Словакии, где миграция квалифицированных кадров носит преимущественно кратковременный характер. В Словении и Эстонии крупнейшую группу среди «возвращенцев» составляют студенты, обучавшиеся за рубежом, что ведет к повышению качества человеческого капитала [34].

По мнению большинства экспертов, о массовой утечке человеческого капитала из стран ЦВЕ на Запад речь пока не идет. В отдельных секторах, особенно в *здравоохранении*, масштабная эмиграция работников привела к ощутимым последствиям в странах выезда. Наибольшие объемы эмиграции врачей из многих стран ЦЮВЕ – Польши, Литвы, Эстонии, Словакии, Румынии – были зарегистрированы непосредственно после их вступления в ЕС с постепенным снижением в годы экономического подъема и ростом в период экономического кризиса. Массовая эмиграция среднего медперсонала совпала с ростом спроса на эту категорию работников в Германии, Великобритании и других странах ЕС-15 в 2006–2007 гг. Германия даже заключила с Польшей, Румынией, Чехией, Словакией и Хорватией двусторонние соглашения о наборе медсестер и другого вспомогательного медперсонала [26, p. 145]. Согласно данным ВОЗ, наибольшей интенсивностью эмиграции врачей среди стран ЦЮВЕ в 2010–2011 гг. выделялись Босния, Румыния и Албания (соответственно 21,5%, 17,4 и 13,6% от их численности в стране). Весьма значителен также отток врачей (9–11% их численности) из Словении, Болгарии, Литвы, Венгрии, Польши и Эстонии. По интенсивности выезда среднего медперсонала пальму первенства делят Хорватия (13%) со Словакией, Словенией, Румынией и Албанией (все – около 9%) [26, p. 132].

За средними, сравнительно невысокими, цифрами эмиграции врачей скрываются более высокие показатели их оттока по отдельным специальностям. Так, в Польше с момента вступления страны в ЕС в 2004 г. по октябрь 2012 г. сертификат о профессиональной квалификации (необходимый для работы за рубежом) был выдан 8,7 тыс. врачей (6,9% от их общего числа в Польше); в то же время такие сертификаты получили по 18% всех зарегистрированных анестезиологов и пластических хирургов, 16,5% торакальных хирургов и 12,3% патологоанатомов [16, p. 22–26]. Ситуация усугублялась тем, что в странах и без того ощущался дефицит врачей по перечисленным специальностям, что осложняло доступ населения к квалифицированной медицинской помощи. В Румынии и Болгарии эмиграция медперсонала заметно обострила дефицит терапевтов, медсестер и фельдшеров в сельских, удаленных и горных районах [26, p. 135].

Прослеживается четкая зависимость между уровнями оплаты труда медработников из стран ЕС-10 и их намерением эмигрировать. Известны случаи, когда запросы на выдачу сертификатов о профессиональной квалификации в Чехии использовались для оказания давления с целью повышения зарплаты. Характерно, что в Эстонии и Словакии число запросов на выдачу таких сертификатов сократилось после повышения зарплаты врачам; в Польше после 2010 г. отмечается заметная возвратная миграция медперсонала, которая, как полагают эксперты ВОЗ, стала следствием увеличения финансирования системы здравоохранения после забастовок 2006–2007 гг. [26, р. 144–145]. Вместе с тем в странах Балтии эффект от повышения зарплат врачам оказался кратковременным, и во время экономического кризиса отток медперсонала за рубеж усилился вновь [16, р. 29].

Немаловажную роль в экономике стран ЦЮВЕ, в том числе в снижении уровней бедности и неравенства, играют *денежные переводы* трудовых мигрантов в страны выезда. В зависимости от доли таких переводов в ВВП все страны региона можно подразделить на три группы: с высокой зависимостью экономики от переводов (9–11% ВВП на 2013–2014 гг. в странах Западных Балкан, кроме Хорватии и Македонии); со средней зависимостью (3–4,5% ВВП в Литве, Македонии, Венгрии и Болгарии) и все остальные страны, где доля переводов в ВВП составляет от 2,6% (в Хорватии) до 0,6% (в Польше). При этом следует оговориться, что статистика Всемирного банка, на которой основана эта классификация, учитывает лишь переводы, сделанные по официальным каналам. Объем же неофициальных переводов (перевоз средств самими мигрантами, передача их через родственников, знакомых и т.п.) может даже превышать официальные трансферты и составлять 50–80% от общего объема денежных средств, пересылаемых мигрантами на родину [24, р. 7].

Основная часть переводов из-за границы расходуется на текущее потребление, что способно несколько ослабить краткосрочные негативные последствия трудовой эмиграции из стран региона, но вряд ли может дать долгосрочный экономический эффект. Значение переводов мигрантов для снижения бедности и неравенства особенно велико в странах Западных Балкан, где средства, переводимые из-за границы (около 300 евро в месяц), составляли в среднем около 40% доходов домохозяйств, более половины членов которых были либо пенсионерами, либо безработными [30].

В странах ЦВЕ значение переводов мигрантов заметно меньше. Так, в Болгарии в 2008 г. такие переводы получали около 7% домохозяйств, и эти средства составляли от 30 до 35% их дохода. Исследование, проведенное на базе материалов 2005 г. в Чехии, Венгрии, Польше и Словении, показало: хотя переводы из-за рубежа, как правило, получают более бедные семьи, их объемы во всех этих странах в разы меньше, чем размеры социальных транс-

фертов и, соответственно, их воздействие на уровни бедности и неравенства несопоставимо [18]. Таким образом, хотя переводы трудовых мигрантов способны заметно снизить бедность и облегчить положение беднейших семей в странах ЦЮВЕ, эти преимущества во многом нивелируются издержками в сфере развития человеческого капитала.

Для оценки *макрэкономических последствий* трудовой миграции из стран ЕС-10 учеными из лондонского Национального института экономических исследований было проведено моделирование влияния такой миграции на экономический рост в 2004–2009 гг. как в странах ЕС-15, так и в странах ЦЮВЕ. Расчеты показали, что трудовые миграции из стран ЦЮВЕ в страны ЕС-15 положительно сказываются на экономическом развитии последних, но снижают при этом потенциал развития стран-доноров. Среди последних наиболее серьезные отрицательные последствия наблюдались в Румынии, Болгарии и Литве, где снижение ВВП по сравнению с гипотетической ситуацией отсутствия миграций составило 10,5%, 5 и 6% соответственно. Миграции снизили потенциальный ВВП в Эстонии и Латвии на 3 и 3,3%, в Словакии и Польше – на 2,3 и 1,9%. Поскольку объемы миграции из Чехии, Венгрии и Словении были гораздо меньше, их воздействие на экономику оказалось невелико (0,3–0,5% ВВП) [15, р. 49–52].

Расчеты показали, что денежные переводы мигрантов способны несколько ослабить негативное влияние миграций, но лишь в кратко- или среднесрочной перспективе, но в долгосрочном плане (свыше семи лет) их влияние на ВВП невелико. Дополнительное сдерживающее влияние на экономический рост оказывает отток мигрантов с высоким уровнем образования, поскольку «утечка мозгов» снижает общую производительность труда.

Регулирование трудовой миграции в странах ЦВЕ

Многие страны ЦЮВЕ, воспринимая сложившийся уровень эмиграции как снижающий потенциал дальнейшего развития, предпринимают разнообразные меры для исправления ситуации. Их можно подразделить на три группы: 1) нацеленные на удержание потенциальных мигрантов, включая расширение возможностей для трудоустройства на родине; 2) содействующие возвращению мигрантов на родину или, как минимум, развитию связей с диаспорой; 3) направленные на привлечение или удержание иностранной квалифицированной рабочей силы для восполнения ее дефицита на рынке труда.

Ряд стран пытается *противодействовать оттоку квалифицированных кадров* с помощью административных ограничений. Так, в Венгрии была разработана система мер, направленная на ограничение выезда за рубеж

выпускников вузов, обучавшихся за счет средств госбюджета. Им предлагалось подписать контракт, обязывающий их отработать в Венгрии не менее двукратного срока их обучения, а в случае отказа – возместить государству 50% его стоимости. Эта система подверглась острой критике как фактически выталкивающая студентов на обучение за границу, и в 2012 г. Конституционный суд признал ее положения, противоречащими Конституции. Сходная схема была принята в Литве: студенты, обучающиеся по целевым государственным программам, обязаны возместить стоимость своего обучения, если они не отработают в стране минимум три года после выпуска.

Некоторые страны реализуют также специальные меры для удержания потенциальных эмигрантов с определенной квалификацией (например, работников здравоохранения). В Венгрии, Словакии и Польше принимаются меры для снижения оттока мигрантов из приграничных депрессивных регионов и стимулирования их трудоустройства внутри страны (например, субсидии на транспорт для работников, освобождение от уплаты социального налога работодателей, нанимающих жителей из таких регионов, и др.).

Основные усилия государственных структур стран ЦЮВЕ направлены на **стимулирование возвращения** уже выехавших (особенно высококвалифицированных) мигрантов на родину. Для достижения этой цели принимаются специальные государственные программы как на национальном, так и на региональном уровнях. Так, при поддержке Европейского социального фонда инициированы программы, нацеленные на возвращение выпускников иностранных вузов и их трудоустройство на родине, в Эстонии («Верни таланты домой») и в Болгарии («Вернись домой») [27, р. 226]. В Латвии в 2013 г. был принят национальный План поддержки возвратной миграции. Он предусматривает поддержку возвращения молодых специалистов, выпускников вузов (с возмещением расходов на обучение по отдельным специальностям), обучение латвийскому языку, а также содействие реинтеграции членов семей и детей возвращающихся мигрантов [28, р. 272].

В Польше вопросы стимулирования возвратной миграции неизменно стоят на повестке дня, начиная с 2007 г., входя составной частью в ряд правительственных программ и стратегий. Программа возвращения трудовых мигрантов была разработана специальной рабочей группой еще в 2008 г. Программы, нацеленные на отдельные категории мигрантов (бездомные, безработные, выпускники школ, банковский или ИТ-персонал и др.), а также на отдельные регионы страны реализовывали местные органы власти, НПО или даже частные компании. Эффективность таких программ оказалась весьма ограниченной из-за нечетко определенных целей, дефицита средств в условиях кризиса, а также некорректного понимания потребностей мигрантов и ориентации преимущественно на их информационное обслуживание или на профобучение (с особым акцентом на самозанятость) [21, р. 122–123].

Столкнувшись с дефицитом квалифицированной рабочей силы, ряд стран ЦВЕ начал принимать меры для *привлечения или удержания иностранных работников* отдельных категорий, имея в виду также повышение деловой активности в условиях кризиса. Так, Словакия в 2010 г. упростила условия деятельности для иностранных менеджеров и инвесторов, разрешив им начинать работу сразу после въезда в страну, не ожидая получения вида на жительство. Новое законодательство в Венгрии позволяет предпринимателям-иммигрантам получать разрешение на работу, если они до этого нанимали хотя бы трех работников в течение полугода или если их присутствие в стране необходимо для успешного ведения бизнеса. В Польше в 2011 г. было введено единое разрешение на работу и проживание сроком действия от двух до трех лет с одновременным упрощением процедур и снижением стоимости его получения. При этом для предотвращения «социального демпинга» работодатели обязаны выплачивать иностранным работникам заработную плату не ниже той, которую получают польские граждане, занимающие аналогичные должности [27, p. 105].

В последние годы широкое распространение получила практика стимулирования иностранных студентов, обучающихся в странах ЦВЕ, к трудоустройству после окончания вуза в стране обучения. Так, в Польше иностранные студенты или аспиранты очного обучения могут трудоустроиться без получения разрешения на работу, а после окончания вуза им предоставляется льготный годичный срок для трудоустройства, в течение которого от них такого разрешения также не требуется. Аналогичные льготы, но на меньший срок (шесть месяцев), предоставляются иностранным студентам и в Литве. В Румынии выпускникам-иностранцам разрешается трудоустройство в стране при условии занятости на полный рабочий день по полученной специальности [27, p. 109]. В Эстонии с 2013 г. иностранным студентам-очникам не требуется получать разрешение на работу, а после окончания вуза их вид на жительство может быть продлен еще на шесть месяцев для трудоустройства [29, p. 46].

Начиная с 2004 г. свобода передвижения рабочей силы в рамках ЕС в сочетании со снятием временных ограничений на трудовую иммиграцию из стран ЦВЕ коренным образом изменили картину международных миграций на европейском пространстве. Многие исследователи полагают, что в Европе можно говорить о возникновении новой миграционной системы, характеризующейся постепенным отходом от модели выезда на постоянное жительство и всё более широким распространением различных форм временной трудовой миграции – маятниковой, возвратной, циркулярной и пр. Такая модель миграции принципиально отличается от постколониальной модели миграции гастарбайтеров и беженцев, которая по сей день является источником острых политических разногласий между членами ЕС [13, p. 703]. Мигранты из стран

Восточной Европы – это не иммигранты в традиционном понимании этого термина, а участники свободного передвижения рабочей силы. В условиях открытых границ для них более характерна транснациональная мобильность временного или циркулярного характера, нежели долгосрочная или невозвратная иммиграция или тем более поиск политического убежища.

Литература

1. Де Тенги А. Восточная Европа: Миграционные процессы после расширения ЕС // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 297–307.
2. Конференция СНГ по проблемам беженцев и мигрантов // Управление Верховного комиссара по делам беженцев ООН. Европейская серия. – 1996, январь. – Т. 2. – № 1. – С. 180–209.
3. Международная организация труда. Преобразования и миграция в Центральной и Восточной Европе. Заключительный отчет по проекту RER/97/MO2/LUX. – М.: МОТ, 2002. – VIII, 66 с.
4. ЮНИСЕФ. Социальный мониторинг, 2003 год. Проект MONEE, ЦВЕ/СНГ/государства Балтии. – М.: ЮНИСЕФ, 2003. – 138 с.
5. Andor L. Where Now After Ten Years of Eastern Enlargement? // Social Europe. – 13 May 2014. – 10 p.
6. Bêlorgey N., Garbe-Emden B., Horstmann S. et al. Social Impact of Emigration and Rural-Urban Migration in Central and Eastern Europe (VT/2010/001). Synthesis Report. – Köln: GVG, 2012. – 186 p.
7. Benton M., Petrovic M. How free is free movement? Dynamics and drivers of mobility within the European Union. – Brussels: Migration Policy Institute Europe, 2013. – 25 p.
8. Brûcker H., Damelang A., Wolf K. Forecasting potential migration from the New Member States into the EU-15: Review of Literature, Evaluation of Forecasting Methods and Forecast Results // European Integration Consortium. Labour mobility within the EU in the context of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Background reports. – Nuremberg, 2009.
9. Budnik K.B. Migration Flows and Labour Market in Poland / National Bank of Poland. Working Paper Nr 44, November 2007. – 28 p.
10. De la Rica S., Glitz A., Ortega F. Immigration in Europe: Trends, Policies and Empirical Evidence / IZA Discussion Paper No. 7778, November 2013. – 98 p.
11. European Commission. Employment and Social Developments in Europe 2011. – Luxembourg, 2012. – 287 p.
12. European Integration Consortium. Labour mobility within the EU in the context of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Final report. – Nuremberg, 2009. – 179 p.
13. Favell A. The New Face of East-West Migration in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2008, Vol. 34, N 5. – P. 701–716.
14. Fic T., Holland D., Paluchowski P., Portes J. The Redistributive Impacts of Migration after the EU's Eastern Enlargement // Kahanec M., Zimmermann K.F. (eds.). Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 35–57.
15. Fic T., Holland D., Paluchowski P., Rincon-Aznar A., Stokes L. Labour Mobility within the EU – the Impact of Enlargement and Transitional Arrangements / NIESR Discussion Paper N 379. – London, 2011. – 71 p.
16. Fóti K. Mobility and migration of healthcare workers in central and eastern Europe. – Dublin: Eurofound, 2013. – 41 p.

17. Geographical and Labour Market Mobility / Report. Special Eurobarometer 337. – Brussels: European Commission, 2010. – 121 p.
18. Giannetti M., Federici D., Raitano M. Does Migration Help Reducing Inequality and Social Exclusion? / Working Paper 118. – Univ. of Rome, Dipartimento di economia pubblica, 2009. – 21 p.
19. Janicka A., Kowalska K. Współczesne migracje zagraniczne Polaków a polski rynek pracy // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2010, nr 4. – S. 79–106.
20. Kaczmarczyk P. Efekty migracji w odniesieniu do rynku pracy – przypadek polskich migracji poakcesyjnych // Studia BAS. – 2014, N 4 (40). – S. 55–80.
21. Kaczmarczyk P. Matching the skills of return migrants to labour market needs in Poland // Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. – P.: OECD Publ., 2013. – P. 112–126.
22. Kahanec M., Zimmermann K.F. Post-Enlargement Migration and the Great Recession in the E(M)U: Lessons and Policy Implications / UNU-MERIT Working Papers # 2016-066. – 34 p.
23. Kahanec M., Zimmermann K.F. Migration in an enlarged EU: A challenging solution? / European Economy. Economic Papers # 363. – Brussels: European Communities, March 2009. – 56 p.
24. Mansoor A., Quillin B. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. – The World Bank, 2007. – 213 p.
25. McKinsey Global Institute. A Window of Opportunity for Europe. – McKinsey & Co., 2015. – 54 p.
26. OECD. Changing patterns in the international migration of doctors and nurses to OECD countries // International Migration Outlook 2015. – P.: OECD, 2015. – P. 105–182.
27. OECD. International Migration Outlook 2012. – P.: OECD Publ., 2012. – 395 p.
28. OECD. International Migration Outlook 2014. – P.: OECD Publ., 2014. – 425 p.
29. OECD. International Migration Outlook 2015 – P.: OECD Publ., 2015. – 376 p.
30. Petree J., Baruah N. A study of Migrant Sending Households in Serbia Receiving Remittances from Switzerland. – Geneva: IOM, 2007. – 84 p.
31. Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU / EU Employment and Social Situation. Quarterly Review. Supplement June 2014. – Luxembourg, 2014. – 36 p.
32. Riso S., Secher J.E.O., Andersen T. Labour mobility in the EU: Recent trends and policies. – Luxembourg: Eurofound, 2014. – 77 p.
33. Sipavičienė A., Stankūnienė V. The social and economic impact of emigration on Lithuania // Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. – P.: OECD Publ., 2013. – P. 45–64.
34. Zaiceva A., Zimmermann K.F. Returning Home at Times of Trouble? Return Migration of EU Enlargement Migrants during the Crisis // Kahanec M., Zimmermann K.F. (eds.) Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 397–418.